

Они ощущают глубокое духовное родство. В их братство не допускается непосвященный.

Пожалуй, у Достоевского не было в жизни более близкого человека. Отвечая в крепости на вопросы Следственной комиссии, то есть в тех обстоятельствах, когда чистосердечие заключенного большая редкость, – он скажет: «*Совершенно откровенных сношений* не имел ни с кем, кроме как с братом моим...». В настоящем случае он не лукавит.

Первенец Михаил будет крещен в Петропавловской церкви Московского военного госпиталя – тем же священником, что венчал чету Достоевских. Он появится на свет ровно через девять месяцев после указанного таинства – день в день. Обнаруженная нами недавно метрическая запись выглядит так:

13 сего Госпиталя у Штаб-Лекаря Михайлы Андреева сына Достоевского родился сын Михаил. Молитвословил иерей Матфей Козмин с диаконом, крещен 18-го дня <октября>, восприемники были Московский купец Феодор Тимофеев сын Нечаев и М<осковского> именитого гражданина Александра Алексеева сына Куманина жена Александра Феодорова. (ЦИАМ. М.Ф.1639. Оп.1. ед. хр. 283. Л. 56.)

Из всех братьев и сестер (если не считать Любочку, умершую во младенчестве) он и уйдет первым.

Будучи погодками, Михаил и Федор составляют отдельную ячейку внутри семьи. У них общие игры, общие интересы и, главное, общие секреты. Их внутренние миры полностью проницаемы друг для друга – разумеется, до той границы, которую не в силах переступить «не-я». И если верить экзистенциальному философу, что «существование другого – недопустимый скандал», то в *их случае* невосполнимой горестью стало бы отсутствие *второго*.

Изо всего семейства выраженный литературный интерес присущ только двум старшим братьям. И хотя один из них окажется мировым гением, а второй на ниве изящной словесности будет почти незаметен, в детстве это грядущее неравенство абсолютно неощутимо. Заметно другое: крепнущее с годами лидерство младшего брата, который, по словам родителей, «настоящий огонь». (Правда, темперамент еще не есть неперемный и отличительный признак таланта.) Старший пишет стихи (что не слишком радует папеньку); младший, хотя и сочиняет «роман из венецианской жизни», но делает это исключительно в уме, так что папенька совершенно не в курсе.

В письмах к отцу старший сын не чурается высокой патетики. «Пусть у меня возьмут все, оставят нагим меня, но дадут мне Шиллера, и я позабуду весь мир!» Нагой Михаил Михайлович, прижимающий к груди готический том, – зрелище, конечно, неслабое. До таких экзальтаций брат Федор – при всей его любви к Шиллеру – не доходит. Хотя, говоря о «прекрасном и высоком», заметит позднее, что «тогда это словечко было еще свежо и выговаривалось без иронии».

Братья разлучатся почти на десять лет (Федор – в Петербурге, Михаил – в Ревеле): встречи будут довольно редки. Однако духовная связь не ослабнет. В первые годы их переписка в высшей степени литературна: она изобилует мировыми отвлеченностями и философическими восторгами. С течением времени в письмах появляются денежные расчеты и издательские прожекты, ибо литература становится *делом*.

Ранняя женитьба Михаила Михайловича окрашена во вполне романтические тона. Не достигнув двадцати двух лет, он сочетается браком с двадцатилетней «дочерью Ревельского гражданина» Эмилией-Каролиной Дитмар (Ditmer). «Мне кажется, что я делаю глупость, что женюсь, – пишет он младшему брату, – но когда я посмотрю на Эмилию, когда вижу в глазах этого ангела детскую радость – мне становится веселее». (Брата не слишком тронут подобные упоения, и он еще долго пребудет холостым.) Принадлежность невесты к лютеранству отнюдь не смущает жениха, ко-